

В сумрачной церкви гудящая тишина. От земли тянет сырой прохладой. Ветер шумит в листья березок на провалившейся кровле, а сквозь окна льется полуденный свет, смешиваясь с пылью внутри и преображаясь — будто и не покидал он вовсе этих стен, а осел на облупленной росписи восемьдесят лет назад и сохранился до наших дней.

Под ногой металлически отдается одинокий обломок чугунной плиты, и эхом доносится шорох чьих-то легких крыльев — через оконную решетку в церковь влетает голубь в радужной оболочке перьев и скрывается за одиноким изображением херувима. Вскоре уже два голубя устремляются к светящемуся прямоугольнику окна. Холсты с размашистой деревенской росписью портятся от сырости и местами отходят от стен, образуя большие карманы. В одном из таких карманов, надежно защищенное от многочисленных врагов, и вывелось голубиное потомство.

Последний настоятель прихода церкви в честь Казанской иконы Божией Матери трагически погиб в 1938 году, в годы большого террора, а сама церковь закрыта и разграблена. Этому предшествовала череда страшных событий, узнать подробности которых было непросто — история дела долго была похоронена в архивах, скрытая ото всех. Однако с помощью родственников отца Павла мне удалось получить копию уголовного дела и восстановить множество давно порванных нитей.

Следственное дело № 15359 по обвинению Зверева Павла Петровича. На зеленоватой бумаге — штамп: «Хранить вечно». Дело открывается допросом свидетелей. Начинаешь читать — и сразу понимаешь, как все это мутно. Якобы в марте 1937 года кто-то расклеил контрреволюционные листовки на стене сельского магазина. Кто-то эти листовки видел, кто-то нет, их сняли и сожгли, виновного искать не стали — казалось бы, инцидент исчерпан.

Однако спустя полгода эту историю внезапно вновь подняли на поверхность. Собрали свидетелей, прослушали еще раз, что случилось. Задали несколько навязанных вопросов об отце Павле. И оформили ордер на арест и обыск.

Дом Павла Петровича обыскали, его владельца арестовали. При обыске не нашли ничего, кроме серебряного священнического креста и двух советских журналов 1925 года с речами Троцкого. В тот же день арестованного священника допросили. Согласно протоколу, на допросе от отца Павла требовали признания вины, подтверждения контрреволюционной деятельности. Такие показания он давать отказался. Никто не знает, о чем еще говорилось на допросе. Многие вопросы могли не занести в протокол.

Однако в числе вопросов, которые нам известны, был один, весьма важный для этой истории. Отца Павла спросили об отце Вячеславе Святицком. Отец Вячеслав тоже был священником. Внучка отца Павла вспоминала, что кто-то говорил, будто у Павла Петровича был сосед, священник, с которым у отца Павла случались словесные перепалки.

Говорили, что на отца Павла мог донести именно этот священник.

Реальность оказалась сложнее. Отец Вячеслав также был расстрелян в 1938 году. Мы не сумели найти ни одного родственника, чтобы добыть его дело. Протокол допрос Святицкого из дела отца Павла был изъят. Поэтому точно утверждать ничего нельзя. Однако, судя по допросу Павла Петровича, отец Вячеслав был также задержан за контрреволюционную пропаганду. Просто в частном разговоре оба священника позволили себе неосторожные высказывания о советской власти и конституции — и обоим это стоило жизни.

Павла Петровича признали виновным. На другой день после допроса на отца Павла была составлена характеристика, гласившая:

«Зверев является служителем религиозного культа, б/лишенец, привлекался к обложению налогами в твердом порядке, в настоящий момент Зверев, проживая в с. Богородское, ведет открытую агитацию среди единоличников о невступлении их в члены колхоза в результате чего % коллективизации в настоящий период не повышается.

Зам. пред. Рыжов».

После того как я прочитал эту характеристику, мне многое стало понятно. Коллективизация в нашем районе проходила тяжело (северо-восток Нижегородской области — места глухие, староверческие). А от председателя колхоза требовали перевыполнения плана — то есть требовали, чтобы с каждым годом колхозников становилось все больше и больше. А больше их не становилось... И когда он понял, что не справляется, то испугался. Испугался так сильно, что был готов подставить другого человека, лишь бы избежать ответственности. Поэтому отец Павел, будучи священником и бывшим лишенцем, был выбран им на роль козла отпущения. Осталось доказать его вину, для чего вспомнили давний случай с листовками.

31 декабря 1937 года отца Павла приговорили к смертной казни, а уже 8 января приговор был приведен в исполнение. Отец Павел был похоронен в общей могиле на Бугровском кладбище города Горький. Семья его подверглась преследованиям и дискриминации. Храм был частично разрушен и использован в качестве

зернохранилища. Со временем стены и кровля обветшали, колокольня сверху донизу заросла березками, купола покосились, высокий портик обрушился, оставив в штукатурке треугольный красный след, почти все фрески осыпались... В таком виде храм, последний молчаливый свидетель тех событий, дожил до наших дней.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» отец Павел считается реабилитированным.

Казалось бы, историческая справедливость восстановлена. Зачем после этого нужны были кропотливые поиски, расследования? Затем, чтобы люди помнили отца Павла не просто как очередную жертву беспощадных и бессмысленных репрессий, а как новомученика, не бросившего служение ради собственной безопасности и принявшего за это смерть. И чтобы память о мужестве и честности этого человека вечно хранилась в памяти церкви.

Железные двери подвалов, холодные стены камер могли бы рассказать больше, чем я, чем любой ныне живущий человек. Но металл и камень немые, поэтому память о загубленных жизнях должны хранить мы — новое поколение. Теперь, спустя столько лет, много бесценной информации о тех страшных годах утеряно навсегда. Однако то, что сохранилось, возможно, поможет людям в будущем избежать тяжелых ошибок прошлого.

с. Богородское, Воскресенский район,
Нижегородская область

